

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

*Институт славяноведения Российской Академии Наук (РАН), Москва, Россия**Научный сотрудник, кандидат исторических наук**Ученый секретарь Археографической комиссии РАН**Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**Research Scientist, PhD in Historical Sciences**Academic Secretary of the Archaeographic Commission of the RAS**tmedvedeva1@yandex.ru*

**МЕМУАРНЫЕ И ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ТЕКСТЫ Д. Н. СВЕРБЕЕВА –
МЕЖДУ ТИПИЧНОСТЬЮ И УНИКАЛЬНОСТЬЮ.
К ПРОБЛЕМЕ ВИДОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСТОЧНИКОВ***

Статья посвящена сравнительному анализу мемуарных и эпистолярных текстов Д. Н. Свербеева (1799 – 1874). Отставной дипломат и состоятельный помещик, он имел широкие связи в русском обществе, был дружен как с западниками, так и со славянофилами. Сравнение его воспоминаний, написанных в конце 1860-х годов, и писем к дочери Софье за те же годы показывает сходство функций этих текстов. В статье рассматривается ситуация, в которой письма принимают на себя функции мемуаров, сохраняя свою эпистолярную форму.

В письмах Д. Н. Свербеев не только сообщает дочери, живущей в Лондоне, новости московской жизни, но добавляет к ним развернутые воспоминания о событиях, так или иначе связанных с современностью. В этих мемуарных фрагментах он следует своим общим литературно-публицистическим принципам: много внимания уделяет отдельным личностям и историческим

экскурсам, а в общественно-политическом плане избегает крайних точек зрения.

Адресат писем, младшая дочь мемуариста, С. Д. Свербеева (1842 – 1903) была в те годы главной помощницей отца в работе над мемуарами и единомышленницей во многих вопросах, что, несомненно, оказало влияние на характер переписки.

Кроме того, есть возможность сравнить мемуарные тексты Д. Н. Свербеева с его ранними письмами (за 1820-е годы). Здесь можно сопоставить повествование об одних и тех же событиях в текущей переписке и в воспоминаниях, написанных почти 50 лет спустя. В таком случае наглядно видна разница в изложении событий и их последствий.

Ключевые слова: источниковедение, компаративный метод, мемуары, переписка, Д. Н. Свербеев, С. Д. Свербеева, личный архив.

Работа над перепиской семьи Свербеевых ведется в рамках проекта РФФИ № 15-01-00120а.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

**MEMOIRS AND EPISTOLARIES OF
D. N. SVERBEEV – BETWEEN
TYPICALITY AND ORIGINALITY. ESSAY
TO THE PROBLEM OF SPECIFIC FEAT-
URES OF HISTORICAL SOURCES**

The article is dedicated to the comparative analysis of memoirs and epistolary texts by D. N. Sverbeev (1799 – 1874). He was a retired diplomat and had extensive relations in Russian society and were on friendly terms with many public figures of their time, welcoming both westernizers and slavophiles. A comparison of his memoirs written in the late 1860s and letters to his daughter Sophia from the same years shows the similarity of these texts' purposes. The article considers the situation in which letters play a role of a memoir, in the meanwhile keeping letter shape.

Dmitry Sverbeev in his letters informs his daughter about the news of life in Moscow and adds to

them memories of the events connected with the present. In these memoirs he follows his principles: he pays a lot of attention to individuals and historical excursions and avoids extreme points of view in social and political issues.

The youngest daughter of the memoirist Sofia Sverbeeva (1842 – 1903) was in those years the main assistant of her father in the work on memoirs and supported him on many issues, what undoubtedly influenced their correspondence.

In addition, it is possible to compare memoirs of D. N. Sverbeev with his early letters (for the 1820s). Here we compare the narrative of the same events in the current correspondence and in memoirs written almost 50 years later and observe a great difference in their presentation.

Key words: source studies, comparative method, memoirs, correspondence, D. N. Sverbeev, S. D. Sverbeeva, personal archive.

90

В типологии источников личного происхождения мемуары и переписка давно и прочно занимают самостоятельные позиции, являясь признанными отдельными видами с некоторым количеством подвидов и обособленных групп (напр., «дружеское письмо» или «воспоминания о ком-либо»). Тем не менее, опыт показывает, что разные по типу тексты одного и того же автора, близкие по хронологии, могут иметь столь много общего, что дают повод задуматься над обоснованностью тех или иных принципов классификации, выдвигая новые теории и стратегии. Оставаясь в поле классического компаративного источниковедения, представим в данной статье материалы к размышлению над проблемой систематизации источников личного происхождения и позволим себе сделать некоторые выводы.

В современном источниковедении есть несколько подходов к выделению источников личного происхождения и их подразделению на виды. Так, в учебнике по источниковедению, изданном в РГГУ, источники личного происхождения определены с точки зрения теории коммуникации. Источники личного происхождения, по мнению коллектива авторов, – это группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэволюционном целом и автокоммуникации¹. Эти положения были развиты и значительно дополнены в новой версии учебника по источ-

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / Авторы: И. Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 2004. С. 467.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

никоведению, изданном под редакцией М. Ф. Румянцевой в НИУ ВШЭ².

Рассматривая эволюцию источников личного происхождения, авторы учебника подчеркивают, что «наши представления о мемуарах – "современных историях", эссеистике и исповедях гораздо более адекватны, чем о дневниках, эпистолярных источниках и мемуарах-автобиографиях с внутрифамильными целями»³. Тем ценнее, на наш взгляд, рассмотрение пересечений этих видовых групп в рамках наследия одной семьи, предпринимаемое в данной статье.

Деление источников личного происхождения на виды по степени участия корреспондентов в коммуникативном процессе прослеживается и в учебном пособии, изданном под редакцией А. Г. Голикова. В соответствии с этим подходом основное отличие писем, мемуаров и дневников, входящих в состав источников личного происхождения, заключается в их ориентации на адресата: внешнего для автора письма, внутреннего – для автора дневника и подразумеваемого – для мемуариста⁴.

М. А. Лаппо справедливо замечает, что «сложившиеся в научном историческом и филологическом дискурсах типологии мемуарно-автобиографических текстов отчасти противоречат, отчасти друг друга дополняют»⁵. Она же прослеживает эволюцию автобиографических текстов в XX – начале XXI в., подтверждая, в целом, тезис о

возрастающей публицистической составляющей, выдвинутый в учебнике РГГУ.

При изучении мемуарных источников, классическими до сего дня остаются труды А. Г. Тартаковского, подробно изучившего формирование и эволюцию мемуарной традиции в России⁶.

Некоторые итоги изучения и классификации источников личного происхождения получили краткое обобщение в статье О. В. Ищенко и А. В. Неверова⁷.

Семейная переписка как исторический источник в отечественной историографии изучена гораздо меньше. Основные итоги работы отечественных исследователей в этой области были обобщены в работах И. В. Кобак⁸. Ею же была рассмотрена эволюция эпистолярного жанра и проблемы классификации писем⁹.

Мемуарное и эпистолярное наследие Д. Н. Свербеева и его семьи весьма обширно. «Записки» главы семейства, написанные в конце 1860-х – начале 1870-х годов, составляют два объемных книжных тома¹⁰, к ним логически примыкают воспоминания одного из сыновей мемуариста – Алек-

91

² Источниковедение: Учебное пособие / Авторы: И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская. Отв. ред. М. В. Румянцев. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

³ Источниковедение Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. С. 468.

⁴ Голиков А. Г., Круглова Т. А. Методика работы с историческими источниками: Учеб. пособие. М.: Академия, 2014. С. 80–81.

⁵ Лаппо М. А. Типология мемуарно-автобиографических изданий: Динамические аспекты // Библиосфера. 2015. № 2. С. 47.

⁶ См., напр.: Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археографический центр, 1997. 358 с.

⁷ Ищенко О. В., Неверов А. В. Отечественные мемуары второй половины XVIII – XIX в. как исторический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 81–82.

⁸ Кобак И. В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей. СПб., 2009. Вып. 5. С. 560–580.

⁹ Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2012. № 2. С. 142–149.

¹⁰ Свербеев Д. Н. Мои записки / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Наука, 2014. 942 с.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

сандра Дмитриевича Свербеева¹¹ и неоконченные воспоминания младшей дочери Софьи Дмитриевны¹², адресата рассматриваемых здесь писем. Эпистолярный архив семьи Свербеевых, хранящийся в фондах РГАЛИ, РО ИРЛИ, ГАРФ, ГА Иркутской области, насчитывает несколько сотен единиц хранения, среди которых выделяются большие комплексы переписки мемуариста, его жены, их старших сыновей. В данной статье внимание будет сосредоточено на небольшом комплексе писем главы семейства к дочери Софье за 1868–1869 годы, их сопоставлении с его «Записками» и другими письмами семейного архива.

Сам Д. Н. Свербеев (1799-1874), известный ныне как автор подробных воспоминаний о временах своей молодости, в середине XIX века был знаком современникам как хозяин московского салона, друг многих литераторов и славянофилов, рассудительный помещик.

«Записки» Д. Н. Свербеева – признанная классика отечественной мемуаристики, как по форме, так и по содержанию. Мемуары охватывают жизнь автора от рождения до женитьбы в возрасте 28 лет в 1827 году, затрагивают историю семьи на протяжении XVIII в., а также попутно касаются огромного количества тем, о которых автор имеет собственное суждение, и ряда событий, случившихся уже в 1840-е годы.

Основные наблюдения, касающиеся мемуарного памятника и его источниковедческого анализа, были изложены в нашей статье, сопровождавшей публикацию полного текста «Записок»¹³. Здесь остановимся лишь на самых существенных выводах в контексте избранной темы. «Записки» Свербеева достаточно полно и ярко отражают по-

чти все тенденции русской мемуаристики 1860-х – 1870-х годов (декларативную интимность повествования, обращенного к детям и их потомкам, в сочетании с готовностью к публикации, историографичность и публицистичность, формальное стремление к объективности), оставаясь при этом самобытным литературным памятником. Мемуарист хорошо знал большинство публиковавшихся в конце 1850-х – начале 1870-х годов воспоминаний своих современников. Лучшим, по его мнению, образцам он осознанно стремился подражать. Дмитрий Николаевич хорошо понимал степень литературной ценности своего повествования и видел в «увлекательности» и «значительности» важные характеристики мемуаротворчества.

По тексту «Записок» легко проследить темп и ритм мемуарописания. Сам автор охотно поясняет причины перерывов в диктовке воспоминаний, замечает: что писалось легко, а что трудно; отчего за этими воспоминаниями потянулись те и о чем он только собирается написать впоследствии.

Заметной чертой воспоминаний Д. Н. Свербеева можно считать постоянную рефлексию автора, размышления его над смыслом, сверхзадачей своего жизнеописания. Дмитрий Николаевич понимал свое положение человека, пишущего о прошлом из своего сегодняшнего дня, осознавал, что в его силах воспроизвести, главным образом, события, но не мысли и убеждения своего прошлого (это же доказывает сопоставление мемуаров с сохранившейся перепиской автора времен описываемых событий).

При этом, у его «Записок» есть своя особенность, выделяющая их из круга воспоминаний современников. Это те приоритеты, которые выдвигал сам мемуарист: своей главной задачей он видел «ознакомление читателей с русским человеком моего времени во всех его видах и со всеми его качествами»¹⁴. И эта насыщенность портретами

¹⁴ Свербеев Д. Н. Мои записки. С. 91.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472. Д. 103, 104.

¹² Там же. Д. 682.

¹³ Медведева Т. В. Дмитрий Николаевич Свербеев как зеркало русской мемуаристики // Свербеев Д. Н. Мои записки. М.: Наука, 2014. С. 675–698.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

«типических» людей ушедшего времени, является отличительной чертой воспоминаний Д. Н. Свербеева.

Мемуары писались автором не только для семьи, но и при активном содействии семьи. Болезнь рук (хирагра) не позволяла Д. Н. Свербееву писать такой большой текст самостоятельно, и он надиктовывал воспоминания младшей дочери Софье (1942–1903), добровольно вызвавшейся исполнять роль секретаря (в рукописи достаточно следов несогласованной устной речи). По словам мемуариста, не лишенным некоторой литературной позы, именно настояния детей и внуков подвигли его начать и продолжать «Записки» на протяжении нескольких лет. Дочь Софью Дмитриевну называет он шутливо «мое перо» и переоценить ее роль в создании отцовских текстов сложно. Она занимает место зримого собеседника, живого слушателя воспоминаний, временами – редактора. Итогом этого сотрудничества является своеобразный комплекс источников личного происхождения, куда входят не только мемуары отца, но и двусторонняя переписка Д. Н. и С. Д. Свербеевых, и краткие неоконченные воспоминания Софьи Свербеевой, написанные «по следам» и в традиции отцовских текстов¹⁵.

Есть возможность сравнить «Записки» Д. Н. Свербеева, созданные в конце 1860-х – начале 1870-х годов и его письма к Софье в Англию за тот же период. Строго говоря, письма обращены не только к Соне, но и к сопутствующей ей старшей дочери Варваре (в замуж. Арнольди) (1831–1918), однако основным их адресатом и непосредственным собеседником отца становится все же младшая Софья – единомышленница и многолетняя сотрудница отца.

Письма Д. Н. Свербеева к дочери Софье в Лондон, хранящиеся в РГАЛИ (как и рукопись

воспоминаний), были написаны в 1868–1869 годах, незадолго до начала работы над «Записками»¹⁶. При внимательном их рассмотрении выясняется, что эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева, обращенные к дочери, удивительно близки во многих отношениях его мемуарным текстам, созданным при участии той же дочери Софьи.

В этих письмах Свербеева традиционные для бытовой переписки сюжеты – описание текущих событий в жизни автора, просьбы и поручения – занимают минимальное место – пару строк в каждом из писем, зачастую лишь подводя дочерей-читательниц к основному отцовскому мемуарному эссе на ту или иную тему.

Большие публицистические, исторические и историографические экскурсы, свойственные мемуарам Свербеева, переходят и в его эпистолярные тексты. Так, например, упоминая Ю. Ф. Самарина, Д. Н. Свербеев углубляется в письмо в воспоминания о прошлом, о событиях 1840-х годов: «Я помню этот блистательный диспут [о диссертации Самарина – Т. М.] и оживленный его спор с кафедры с учителем его Клином, который тогда с горестным чувством упрекал магистранта в несправедливых обвинениях и чуть ли не в клевете на протестантство. Самарин тотчас же сделался сеидом своего начальника и вместе с Ханьковым, другим подобным ему чиновником, помогал всем средствам и всеми средствами обращению несчастных латышей, обещая им не только рай на небе, но и рай на земле, если они примут веру Царя Православного. Но, видно, средства обращения показались слишком уж сильными покойному государю...»¹⁷.

Письма к дочери роднит с мемуарами и черед литературных портретов «типических людей» прошлого и настоящего: митрополита Иннокентия (Вениаминова), и его предшественника митропо-

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472. Д. 682.

¹⁶ Там же. Д. 44 (письма к С. Д. Свербеевой), д. 11–13 («Мои записки»).

¹⁷ Там же. Д. 44. Л. 7.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

лита Филарета (Дроздова), П. Д. Голохвастова «замечательного оратора нашей, более человеческой, менее пропитанной ладаном и доктриной русской рубахи, партии»¹⁸; генерала Е. А. Головина, вместе с которым вспоминает Дмитрий Николаевич и ряд событий времен его генерал-губернаторства в Прибалтике. Так, в письме от 22 ноября 1868 г. рассказ о Ю. Ф. Самарине перетекает в пространственный мемуарный отрывок о событиях, сопутствовавших смене генерала Головина князем А. А. Суворовым (в Остзейском крае в 1848 г.). Свербеев упоминает роль и деятельность Самарина в контексте насаждения православия в западных губерниях и попутно цитирует свою с ним публичную дискуссию того времени, следы которой были уничтожены, когда Самарин оказался под арестом, дабы не навредить ему чрезмерно¹⁹.

Письмам Свербеева к дочери в большей мере, чем мемуарам, свойственна публицистичность. Большой разбор изданного Самариным 2-го тома сочинений А. С. Хомякова, выливается в заочную полемику с Самариным и отчасти с покойным Хомяковым о позиции и взглядах Русской православной церкви. Здесь, как и на страницах мемуаров Свербеев выступает защитником православия как от крайне левых, так и от крайне правых нападок («ultra-русских» – по его выражению) с позиций «просвещенного европейца».

Поводом для историко-публицистического очерка на тему возможной церковной унии Запада с Востоком становится новое сочинение Дж. Овербека, которое отец разбирает для дочерей в своем очередном письме.

При этом Свербеев в письмах верен своей мемуарной умеренности, избегает участия в резких политических спорах: «я, по-прежнему моему обычаю, избегаю, во-первых, тех гостиных, где рассуждают и спорят и карт не допускают, выдаюсь

охотно только с дамами, да и то с играющими, и буду посещать один эклектический салон Одоевских»²⁰.

Поза «вынужденного» творчества, знакомая по мемуаристике той поры, и, в частности, по «Запискам» самого Дмитрия Николаевича, присутствует и в переписке. «Твоя собственная сестра, милая моя Софья, а моя нянюшка, часто ставит меня в затруднение своими требованиями писать к тебе. Часто и почти всегда бывает, что писать не о чем, а между тем и самому хочется побаловать тебя моим почерком» – замечает отец²¹.

В очередном письме отца обнаруживаются непосредственные пересечения с формой дневника-хроники: «...пришла мне мысль попробовать составление для тебя ежемесячного обозрения всех вообще всероссийских событий и в особенности московских курьезов, печатных и непечатных. Постараюсь теперь приложить здесь на первый раз обозрение за январь, так как пишу это в последний день этого месяца. Увидим, что из этого выйдет и будешь ли ты мною довольна... Предупреждаю вперед, что я вынужден буду к изложению краткому, чтобы не пропустить ничего сколько-нибудь интересного из публичной, общественной и даже нашей семейной жизни. С 1 февраля пойдет это лучше, потому что я от нечего делать буду вести для тебя ежедневные записки всяких мелочей, мною замечаемых»²². При этом, озвученной смене концепции писем соответствует даже смена формата бумаги – для «дневниковых» посланий Д. Н. Свербеев использует листы другого, большего формата. Дневниковые записки отца являют собой нечто среднее между дневником и ироничной светской хроникой, исполненной в традиционной для Свербеева сдержанной манере с большим вниманием к отдельным персонажам. Как и в мемуарах, перед читательницей-дочерью здесь предстает

¹⁸ Там же. Л. 13.¹⁹ Там же. Л. 6-11.²⁰ Там же. Л. 5.²¹ Там же. Л. 27.²² Там же.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

череда бегло, но ярко написанных словесных портретов именитых москвичей – от генерал-губернатора и викария до управляющего арестантской тюрьмой Нейдгардта и «урожденной цыганки» княгини Голицыной²³.

Письма Д. Н. Свербеева не лишены литературности. Как и в своих мемуарах, в письмах к дочерям Свербеев старается оттачивать свой стиль. За яркостью слога видится бессознательная (а возможно, и сознательная) оглядка на распространение писем, если не в печати, то, во всяком случае, в среде родных и друзей семьи: «Вчера только, мои милые дочки, кончилась наша земская сессия, и мне, участвовавшему в них постоянно почти 3 недели, как-то совестно становится писать из маленькой Москвы в чудовищный Лондон и, *vice versa* [наоборот – *лат.*], из чудовищной России в маленькую Англию. Но, если, – по стиху Державина, может быть справедливо, что "и дым отечества нам сладок и приятен", – хотя от него пахнет нестерпимой для европейского носа гарью, и сверх того он ест глаза, не терпящие тумана и мрака, то вы обе, по старой о нем памяти, может быть не без интереса прочтете коротенький отчет о наших московских прениях, как бывало в детстве читали у Гоголя о ссоре Ивана Никифоровича с Иваном Ивановичем, рядом с историей какой-нибудь борьбы Карла V с Франциском I» – так предваряет отец свой рассказ-памфлет о заседаниях земства, в которых принимал участие²⁴.

Не смотря на близкое родство со своими корреспондентками, он пишет ярко, образно, что наводит на мысль о том, что отец допускал если не публикацию писем (он сам был посредником в аналогичных эпистолярных публикациях П. И. Бартенева в «Русском архиве» и знал массу прецедентов), то, во всяком случае, их хождение в копиях. Последнее было реализовано – письма бы-

ли скопированы родными и хранились в семейном архиве наряду с текстом «Записок», что берегло их для последующих исследователей, поскольку в целом эпистолярное наследие Д. Н. Свербеева сохранилось весьма эпизодически, особенно в сравнении с обширной и многогранной перепиской его супруги, Е. А. Свербеевой.

Есть основания полагать, что столь глубокая переписка отца и дочери была двусторонней, хотя письма С. Д. Свербеевой из Лондона не сохранились. В одном из писем отец благодарит свою корреспондентку: «Спасибо тебе, Софья, за длинное и умное письмо, на которое мне отвечать нечем. Здесь, кроме глупостей, ничего теперь не делается, да и то проскакивают наружу самые мелкие и писать в такую дальнюю сторону о том, что наткнулся на какую-нибудь лягушку, не стоит»²⁵. Здесь, кроме факта «длинного и умного письма» любопытны и размышления мемуариста о том, что вообще достойно «писания» в столь далекие края как Англия.

Таким образом, сопоставляя общие характеристики двух источников, можно сделать вывод о причинах их схожести. Дмитрий Николаевич в одном случае диктует записки дочери, обращаясь с живым рассказом к ней как к собеседнику, а в другом случае – пишет ей сам, также рассказывая то, что считает необходимым – единство его целей – лежит в основе того родства переписки и мемуаров, которое мы можем наблюдать.

Общую формулу названных текстов Д. Н. Свербеева можно определить как «повествование о том, важном, чего вы не знаете», но в одном случае это будет «не знаете, в силу расстояния во времени», а в другом случае – «в силу расстояния в пространстве». Так, перекидывая мостики через время и пространство, Д. Н. Свербеев как бы пишет единый текст, излагая свое видение мира

²³ Там же. Л. 28–32.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 23.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

детям и внукам, не исключая возможности и последующей публикации изложенного.

Очевидно, в рамках семейной переписки, решающим фактором становится личность адресата – любимой дочери-помощницы, многолетнего секретаря и собеседника – и необходимость разделить с ней размышления о происходящем (в переписке) и давно прошедшем (в мемуарах).

Неслучайно из десяти детей Свербеевых именно Софья становится таким «ретро-собеседником» отца. В переписке с супругой и другими детьми – старшим, успешным Николаем (1829–1860), рано ушедшим из жизни; средним Александром (1835–1917), чья карьера пошла в рост особенно стремительно уже после кончины отца; младшим многосемейным Дмитрием (1845–1921), которого сам мемуарист называл своим «alter-ego»; в переписке с другими дочерьми и сыновьями – нет того обилия мемуарно-публицистических пассажей, которое свойственно переписке с Софьей (хотя полностью они не исчезают и характерны для многих писем Д. Н. Свербеева).

Не секрет, что в семье в те годы Софья была наиболее близким отцу человеком. Одинокая, как и другие сестры, она жила подле родителей и юных племянников, помогая в делах по мере своих способностей. Софья Дмитриевна сама позднее вспоминала о том, как взрослая начинала все более ценить отца и как детская привязанность к матери уступала место тесной дружбе с отцом. «Отца я узнала, оценила и горячо полюбила гораздо позднее, уже сознательной любовью; его влияние сказало уже на сознании моем, развитии и это влияние осталось навсегда нравственным мерилем правды и добра» – с пафосом писала она через десятилетие после смерти Д. Н. Свербеева, в 1880-е годы²⁶. Ее привлекала отцовская «трезвость мыс-

ли», его «неподкупная самостоятельность»²⁷ – она осознавала степень его влияния на свое мировоззрение. Вероятно, его осознавал и отец, делаясь с ней своими воспоминаниями и размышлениями.

Даже планируя писать воспоминания (замысел был реализован лишь отчасти), Софья Дмитриевна ставила себе ту же сверхзадачу, какую озвучивал отец в своих «Записках» – представить семейным читателям типы и личности современников, людей, в данном случае, уже 1840-х – 1860-х годов.

Разумеется, не все письма Дмитрия Николаевича столь близки тексту его воспоминаний. Сохранившиеся письма друзьям и знакомым содержат элементы дружеского письма и полемики, наряду с бытовыми вопросами, однако написаны совершенно в ином ключе.

Любопытно, для полноты картины, сопоставить текст «Записок» с сохранившимися ранними письмами мемуариста, относящимися к годам, описываемым в воспоминаниях. Т.е. рассмотреть ситуацию, в которой описываются одни и те же события, одним и тем же человеком, но с разницей в 50 лет – в письме другу, А. М. Языкову, в 1821 г. по горячим следам событий, и в записках, в рамках воспоминаний о годах молодости.

Восторженные, энергичные интонации дружеского письма разительно контрастируют с глубоким скепсисом опытного помещика. Д. Н. Свербеев рассказывает о той реорганизации, которую затеял в деревне, об успехах устроенной им сельской школы: «Школа моя учредилась недели две и превзошла все мои ожидания. – пишет он в письме Языкову. – Несмотря на многие недостатки, напр[имер] малая опытность Филиппа, теснота в школе и всего больше трудность приучить мальчиков к методу, особливо полуученых и взрослых; в это короткое время совершенно не знавшие пишут и читают не только азбуку, но и начали скла-

²⁶ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472. Д. 682. Л. 1 об.

²⁷ Там же. Л. 5.

Татьяна Валерьевна МЕДВЕДЕВА / Tatiana MEDVEDEVA

| Мемуарные и эпистолярные тексты Д. Н. Свербеева – между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников / Memoirs and Epistolaries of D. N. Sverbeev – between Typicality and Originality. Essay to the Problem of Specific Features of Historical Sources |

ды. У меня только 12 человек, летом будет около 50. Свободное время я просиживаю у них и всегда удивляюсь совершенству сей методы. Всего более поражает охота всех мальчиков; они делают свое дело, не думая, что учатся, и так охотно, как бы играли...»²⁸. В воспоминаниях история деревенской школы представляется с позиции умудренного негативным опытом помещика: «Вовлекаемый в поток тогдашнего либерализма... я пожелал за два года до первого моего отъезда в чужие края сделать из... Филиппа Иванова сельского учителя. ...Вместе с назначением в конторщики определен был Филипп Иванов и сельским учителем и действительно обучил грамоте дворовых мальчиков по таблицам, приобретенным через Глинку в Петербурге. Письму по тем же таблицам обучались по способу Ланкастера и Бея не на бумаге или грифельной доске, а на песке, опрятно и искусно рассыпанном на их школьных столиках. Ни тому, ни другому наши школьники порядочно не выучивались. Все это производилось их учителем для эффекта, для вида и собственно напоказ мне, когда я приезжал в Михайловское, а потому все и уничтожилось»²⁹.

Таким образом, формальные признаки источника и его структурные особенности отходят на второй план, тогда как цель, которую ставил автор перед создававшимся письменным текстом становится наиболее значимым видовым признаком источника.

Кроме того, анализ мемуарных текстов Д. Н. Свербеева (воспоминаний и мемуарных очерков, дополняющих «Записки»), а также результаты

сопоставления отдельных его писем с воспоминаниями согласуются с видением эволюционных процессов, идущих в мемуаристике, которые были выделены М. Ф. Румянцевой в разделе, посвященном источникам личного происхождения учебника «Источниковедение». Она отмечает, что усиление коэзистенциальных связей мемуариста – «основной критерий эволюции мемуаров, обуславливающий сближение мемуаристики с публицистикой», функция же последней, как вида источников, состоит в заявлении позиции личности, осознающей себя как часть определенной социальной группы»³⁰. Процессы, идущие в среде источников личного происхождения при переходе от нового к новейшему времени, отмеченные исследователями, также прослеживаются в наследии семьи Свербеевых – «появление новых взаимосвязей внутри видовой структуры», и расширение публикации источников личного происхождения, которое «оказывает обратное влияние на сами эти источники»³¹.

Стоит добавить, что, на наш взгляд, в такого рода мемуарно-эпистолярных текстах, Д. Н. Свербеев хотел не только заявить свою позицию по целому ряду вопросов, но и приобщить к обсуждению этих тем своих взрослых детей, что считал важным для своего семейного микросоциума. Для большой семьи Свербеевых было характерно стремление родителей вовлечь растущих детей в тот круг общения, в котором вращались они сами; приобщить их к своим интересам, передать свои вкусы и пристрастия. И внутрисемейная «эпистолярная публицистика» выполняла, в т.ч. функцию передачи социального опыта.

²⁸ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома). Ф. 598. Оп. 1. Д. 891. Л. 213-214.

²⁹ Свербеев Д. Н. Мои записки. С. 277.

³⁰ Источниковедение Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. С. 322.

³¹ Там же. С. 490.

